

ЭФИОПИЯ: МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ

Введение в Эфиопии в 1991 г. системы этнического федерализма по разным причинам обострило противоречия между различными этническими общностями. Прежние конфликты между этническими общностями из-за земли, пастбищ, водопоев ныне приобрели новое звучание. В основе многих из них — этносоциальные, этноконфессиональные, социально-экономические, политические факторы, а вовсе не межэтнические противоречия, соперничество, противостояние. Но выглядят они как межэтнические столкновения и нередко действительно приобретают форму кровопролитных столкновений между этническими группами. Одним из ключевых факторов возникновения конфликтов является политизация этничности. Конфликты происходят не столько из-за земли или водопоев, сколько за посты в разных органах власти, как региональных, так и федеральных, за распределение бюджетных ассигнований, создание новых административных единиц на узкоэтнической основе. Источником недовольства является также законодательно закрепленная кодификация этнических общностей на «нации», «национальности» и «народы», по существу являющаяся дискриминацией. Осложняет ситуацию и деление на «титულные» и «нетитулные» национальности. В результате такие многомиллионные народы, как амхара, оромо, тиграй и другие, превратились вне своих штатов в дискриминируемые этнические меньшинства.

Ключевые слова: Эфиопия, федерализм, этничность, межэтнические отношения, конфликты.

В соответствии с Конституцией 1995 г. в Эфиопии введена новая форма государственного устройства — федерация (на практике это произошло в 1991 г.). В основу созданных девяти штатов положен этнический принцип. Необходимость такой модели диктовалась сложностью этнического состава и межэтнических отношений (подробнее см.: [Исмагилова 2008: 118–132]).

По данным последней переписи населения Эфиопии 2007 г., в стране насчитывалось 73 919 тыс. человек [Summary 2008], в 2017 г. (по оценкам) — 104 550 тыс. человек [www.countrymeters.info].

По переписи насчитали 85 этнических групп, американский эфиопист Д. Левин считает, что их 135 [Levine 2000: 231]. Наиболее многочисленные из них (в тыс. чел., в скобках данные на

2017 г. [joshuaproject.net]): оромо — 25 489 (35 658), амхара — 19 870 (29 211), сомали — 4582 (6740), тиграй — 4484 (6593), сидама — 2966 (4338), гураге — 1867 (2375), хадийя — 1284 (1865), афар — 1276 (1876), уолайта — 1707 (2463), гамо — 1107 (1623). Десять народов, насчитывающих более 1 млн человек, составляют 78,7 % населения.

Эфиопия — единственная страна, где этничность официально признана политической идеологией. В результате произошла политизация этничности и этнизация политики. Этнический фактор играет существенную роль во всех сферах жизни. По существу, этнические группы приобрели характер политических единиц, поскольку только этническая идентичность дает основание и право на собственную административную структуру со всеми вытекающими отсюда последствиями (власть, ресурсы, бюджетные ассигнования из центра и др.).

В соответствии со ст. 39 Конституции все этнические группы делятся на «нации», «национальности» и «народы».

По мнению ученых-эфиопистов и автора, введение системы этнического федерализма по разным причинам обострило противоречия между этническими группами. Конфликты происходят как на региональном уровне — в штатах, так и на местах — в зонах, воредах и кебеле. (В административном отношении Эфиопия разделена на девять штатов по этническому принципу, они делятся на зоны, последние — на вореда, самой низшей единицей являются кебеле. Для некоторых компактно живущих этнических меньшинств были созданы Специальные вореда.)

Учитывая полиэтничный характер эфиопского государства, межэтнические конфликты — явление отнюдь не новое. Они происходили испокон веков между соседствующими этническими общностями из-за земли, пастбищ, водоемов, доступа к лесным ресурсам и многих других причин.

В полиэтничных государствах проблемы межэтнических взаимодействий всегда были и будут одними из наиболее трудных. Этническое разнообразие само по себе не является источником и причиной конфликтогенной ситуации (примеры Швейцарии, Танзании, Малайзии достаточно убедительны). Для этого нужны

причины. Как показывает опыт, в том числе Эфиопии, таких причин может быть множество.

Едва ли вообще можно говорить о сугубо этнических конфликтах. То, что происходит, это этносоциальные, этноконфессиональные, социокультурные, политические, социоэкономические, территориальные споры и конфликты между группами людей, различающихся по цвету кожи, расовой принадлежности, религии, языку, этнической идентичности. Но эти индикаторы могут намеренно использоваться в целях достижения власти или по другим причинам. В таком случае они приоретают характер мощных мобилизирующих символов, и тогда этничность становится определяющим фактором при анализе природы и динамики конфликтов.

Зачастую ярлык «этничность» служит своего рода зонтом для прикрытия многообразия типов конфликтов. За прошедшие с 1991 годы межэтнические конфликты происходили по всей Эфиопии: между оромо и сомали, оромо и харари, гарре и борана, сомали и афар, амхара и оромо, афар и исса, оромо и гумуз, гуджи и гедео, анья и нуэр, сидама и гуджи, керейю и афар и т.д. Происходили и внутриэтнические конфликты между отдельными кланами и большесемейными группами.

Борьба за власть и ресурсы нередко ведется даже внутри субэтнической группы. Так, децентрализация усилила племенные различия среди субэтнуса оромо — арси. Борьба велась не только между кланами, но и между их подразделениями [Ethiopia 2009: 25]. То же самое относится к нуэр в Гамбелле, уолайта и сидама в самом сложном по своему этническому составу Штату южных народов.

Далеко не всегда можно выяснить корни межэтнических и тем более внутриэтнических конфликтов. Иногда их причины лежат на поверхности. Но в сложных случаях, как правило, они многоплановые, и в них задействовано множество факторов.

Одним из ключевых факторов возникновения конфликтов является политизация этничности, когда она становится основой для политического соперничества, превращаясь в инструмент мобилизации различий, манипуляций этими различиями в интересах

тех или иных групп, наконец, когда этнические проблемы игнорируются государственными органами.

Возросшая роль этничности приводит к тому, что споры из-за земельного участка или пастбища между фермерами-земледельцами и скотоводами, которые были нередки на протяжении веков, ныне квалифицируются как конфликты межэтнические, если в них задействованы представители разных этнических групп. Ибо владение территорией означает для этнической группы (а в действительности для элиты) возможность требовать признания права на самоопределение, а значит, собственной административной единицы и всего, что из этого вытекает: политической власти, ресурсов и др.

Общепринятое в литературе объяснение межэтнических конфликтов обычно сводится к борьбе за природные ресурсы. Это действительно так, но в Эфиопии после 1991 г. есть особенности. Конфликты приобрели многоликий характер, и хотя они связаны с ресурсами, но происходят между этническими группами и вызываются либо неравным распределением экономической и политической власти, либо требованиями или стремлениями к достижению политических и экономических благ. В основе части из них вовсе не межэтнические противоречия, соперничество, противостояние. Но выглядят они как межэтнические столкновения и нередко действительно приобретают форму кровопролитных столкновений между этническими общностями.

Прежнее понятие «борьба за ресурсы» приобрело новый смысл: это борьба не только за природные, но в первую очередь за политические (властные) ресурсы. Современные споры (и конфликты) происходят не только и не столько из-за пастбищ и водопоев, сколько за посты в разных органах власти, как федеральных, так и региональных, за распределение бюджетных ассигнований, наконец, за создание новых административных единиц на узкоэтнической основе.

К числу факторов, способствующих возникновению конфликтных ситуаций, относятся также нарастающее неравенство в социально-политической системе и нарушение прав меньшинств. Источником недовольства является и разделение этниче-

ских общностей на «нации», «национальности» и «народы». Подобная законодательно закреплённая кодификация означает не что иное, как иерархию этнических групп и, по существу, является дискриминацией. От категории зависит уровень административной структуры: нации достойны штатов, национальности — зон, а народы — воевод или в лучшем случае, если они добиваются этого, Специальных воевод.

В числе причин межэтнической напряжённости — наследие прошлого, проблемы развития и управления (преимущественное развитие районов какой-либо господствующей этнической группы в ущерб другим), экономические факторы (землевание и землепользование, борьба за естественные ресурсы) и политические (представительство в законодательных и исполнительных органах власти как на федеральном, так и на региональном уровнях). Все эти причины нередко взаимосвязаны.

Отличительной особенностью введения этнического федерализма является массовый выход на политическую арену прежде угнетённых этнических меньшинств. Это выразилось прежде всего в создании во всех штатах большого числа партий и организаций на этнической основе. Основная их цель — борьба за достижение в соответствии с Конституцией подлинного равноправия. Поскольку этнические группы, прежде занимавшие в стране господствующее положение (например, амхара), не хотят мириться с утерей своей роли в политике, происходят конфликтные ситуации. Существовавшая и раньше проблема отношений между меньшинством и большинством в новых условиях приобрела новые черты: стремление некоторых меньшинств добиться собственной идентичности и получить собственную административную единицу и др.

Все штаты гетерогенны по своему этническому составу. В каждом из них существует огромное число меньшинств. Все они также требуют соблюдения конституционных прав. Таким образом, в каждом штате существует проблема отношений между меньшинствами, что также приводит к конфликтам.

Наконец, очень осложняет ситуацию в стране в целом и в регионах разделение на «титовые» и «нетитовые», «коренные»

и «некоренные» народы/национальности. Поскольку всеми правами обладают первые, это вызывает огромное недовольство и также сопровождается конфликтами. Такие многомиллионные народы, как амхара, оромо, тиграй, вне собственных штатов (Амхара, Оромия, Тиграй) превратились в этнические меньшинства. Их называют поразному: поселенцы, хайлендеры, хабеша. Сформировавшийся новый политический класс из представителей «титulyных» национальностей в каждом штате не хочет делиться с ними властью.

Одной из важных особенностей конфликтов после введения системы этнического федерализма является их децентрализация, иными словами, перемещение из центра в регионы вплоть до самой низшей административной единицы — кебеле. Возникает множество локальных конфликтов, нередко сопровождающихся насилием и жертвами.

Нынешние конфликты можно разделить на две группы: вертикальные и горизонтальные.

Вертикальные конфликты происходят между этническими общностями и государством в лице властей. Они касаются прежде всего создания новых административных единиц, границ между штатами и внутри них (между зонами и воредрами), представительства в органах власти, возможного выхода из состава Эфиопии (часть этнической элиты оромо и сомали Огадена) и, как показали протестные движения 2015–2017 гг., требований соблюдения прав человека, демократических свобод и проведения глубоких социально-экономических и политических реформ.

Горизонтальные конфликты происходят между этническими общностями как в одном и том же штате, так и между ними, между штатами и их административными единицами (зонами, воредрами, кебеле). В первую очередь это конфликты между скотоводческими народами, поскольку вновь созданные границы между штатами и внутри них нарушили традиционный образ жизни, связанный с сезонными перекочевками. Это относится к афар и сомали-исса, сомали и оромо, некоторым субэтносам оромо в южной части страны. Эти народы не заинтересованы в фиксированных границах, будь это штат, зона или воредра. Но этническая регионализация существует и у них.

Причинами напряженности и конфликтов являются борьба за ресурсы, в том числе и политические — представительство этнических элит во властных структурах на разных уровнях; жалобы этнических меньшинств на господствующее положение тех или иных общностей (на сидама и уолайта — в Штате южных народов, берта и гумуз — в Бенишангул-Гумуз, анья и нуэр — в Гамбелле и т.д.); деление на «титульные» и «нетитульные» национальности; наконец, стремление доказать собственную этничность (силтие) в Штате южных народов.

Подавляющее большинство конфликтов связано с земельными ресурсами. Это объясняется не только их экономической значимостью как основы существования и жизнеобеспечения. Земля у большинства народов имеет сакральный характер, поскольку она дана им божествами, предками. Земле предков придается огромный символический смысл. Поэтому ее отчуждение властями население воспринимает трагически. И хотя земля по закону ныне принадлежит государству и оно имеет полное право распоряжаться ею по своему усмотрению, для рядовых общинников это не имеет значения.

Конфликты были (и остаются) между сидама и гуджи, между оромо и амхара и т.д. Это споры из-за земельных участков, пастбищ, водных ресурсов. Многие из них — обычные бытовые конфликты, веками происходившие между соседями, в том числе принадлежавшими к разным этническим общностям. И никто не называл эти конфликты «этническими». Ныне эти этнические общности оказались в разных штатах либо в разных зонах и вoredах внутри того или иного штата. Каждая этническая группа строго кодифицирована, и конфликты, происходящие между ними, приобрели новое смысловое звучание, они стали именоваться «этническими».

В Южной Эфиопии большинство межэтнических и межобщинных конфликтов наблюдается в обширных пустынных и полупустынных районах между скотоводами, агроскотоводами, владельцами частных ферм, в местах, где земля отнята у населения под национальные парки, а также там, где правительством осуществляются инвестиционные проекты.

С ухудшением климатических условий, связанным с частыми и длительными засухами, деградацией окружающей среды и ставшим причиной обеднения ресурсов, мирное сосуществование вышеуказанных действующих лиц становится все более затруднительным. Хотя межобщинные конфликты не редкость в этих и других районах, но в последние десятилетия они приобретают все более массовый, агрессивный и деструктивный характер и зачастую сопровождаются многочисленными жертвами.

Рыночная экономика, политика привлечения частных инвесторов и предпринимателей привела к значительному сокращению пастбищ, особенно в штатах Афар и Оромия. В зоне Борана, на границе с Кенией, тысячи гектаров переданы частным инвесторам, что нарушило сезонные миграции кочевников и сократило площади под пастбищами. Введение частной собственности на землю (для инвесторов) оказывает негативное воздействие на традиционные институты, в основе которых общинное землевладение и землепользование.

Соседние этнические группы, жившие в мире, где ресурсов становится меньше, вынуждены нарушать веками сложившиеся границы, чтобы не умереть с голоду. Это неизбежно приводит к конфликтам. В качестве примера можно привести конфликт между скотоводами борана и земледельцами консо в 2007 г. Они соседи, и у них общие пастбища на границе этнотерриторий. После засухи 2006 г. обе этнические группы страдали от недостатка ресурсов. Консо ночью расчистили общие с борана пастбища под посевы. В ответ борана стали пасти свой скот на этих землях. В октябре 2007 г. впервые за долгие годы между ними вспыхнул конфликт.

Более 60 % территории Эфиопии принадлежит скотоводческим и агроскотоводческим народам. Введение системы этнического федерализма существенно изменило отношения между ними, поскольку значительную роль стало играть государство.

Большое число конфликтов в 1991, 1992, 1995, 2000, 2001, 2005 и в последующие годы происходило между оромо и другими этническими общностями в разных районах Эфиопии, поскольку субэтносы оромо широко расселены.

В 1991 г. в результате столкновений между оромо и амхара, гураге и другими погибло 154 человека, разграблено имущество, угнан скот, разрушены дома и церкви. Сотни людей остались без крова. В 1992 г. в таких же стычках погибло 150 человек [Amnesty 1993].

В Юго-Западной Эфиопии на границе с Суданом нередки конфликты между земледельцами дизи и агроскотоводами сури. Их причина — не только земля, но и разные культурные ценности и менталитет двух народов. У них разные языки, разные формы социальной организации: если у дизи существовали иерархично устроенные вожества, то у сури — сегментарное, клановое, эгалитарное общество [Abbink 2006: 397]. Из-за экспансии из Судана хорошо вооруженных народов ньянгатом и топоза сури оказались оттесненными на этнотерриторию дизи. Это привело к стычкам. В 1994 г. была создана вореда сури, отделившая их от дизи, и они получили самоуправление. Однако конфликты между ними продолжают. В основном нападают сури, у которых много оружия. Особенно отличаются молодые сури с целью повышения своего социального статуса. Существует даже «культ винтовки» [Amnesty 1993].

Повсеместное наличие огромного количества оружия значительно осложняет так называемые этнические столкновения в Южной Эфиопии. В результате конфликтов между сури и дизи в 1994–2004 гг. сотни человек были убиты.

Сури также воюют с анья, живущими в соседнем штате Гамбелла, из-за добычи золота в районе Дими. В конфликтах, произошедших в 1992–2004 гг., более 200 человек были убиты, имущество разграблено [Ethiopia Country Reports 2004]. Часты также столкновения с ме'ен, которые заканчиваются убийствами и кражами скота у ме'ен.

Еще один пример конфликтных отношений между скотоводами и земледельцами — консо и дераша в Штате южных народов.

Впервые конфликт между ними произошел еще в 1965 г. из-за земельных споров. В дальнейшем серьезные столкновения происходили в 1984, 1985, 1994, 2000–2003, 2008–2009, 2012 гг. [Yidnecachew Ayele 2012: 273]. Основными причинами конфлик-

тов были нарушения прав на пользование совместными земельными угодьями, лесом, водопользование. Конфликты нередко сопровождались насилием и жертвами. Особенно разрушительными были конфликты в декабре 2008 — январе 2009 г., когда погибло много людей, были полностью сожжены две деревни, пострадал скот. Более шести тысяч человек вынуждены были покинуть свои деревни [Asnake Membere 2013: 14, 17]. Причиной стало и недовольство плохим управлением на уровне воред и кебеле, а также свободная циркуляция огромной массы нелегального оружия, что создавало постоянную напряженность [Yidnecachew Ayele 2012: 275]. Напряженность в отношениях между консо и дераща сохраняется [Asnake Membere 2013: 23].

В зоне Маджи-Бенч (Штат южных народов) существует напряженность в отношениях между этническими меньшинствами сурма, дизи, ме'ен и жителями вновь созданных деревень со сложным этническим составом. В результате конфликтов в 1991–1998 гг. сотни людей были убиты [Abbink 1998: 72].

В течение нескольких лет — с 1995 по 1998 г. — происходили вооруженные конфликты между земледельцами-гедео, производителями кофе, и агроскотоводами гуджи. В Штате южных народов гедео насчитывают 741 тыс. человек (перепись 2007 г.). В штате Оромия — 245 тысяч (перепись 2007 г.).

Эфиопские исследователи (например, Асабе Рагасса Дебело) подчеркивают, что до 1991 г. они жили в мире. Однако создание административных единиц на узкоэтнической основе, система местного управления, в которой руководящая роль принадлежит гедео, предоставление им бóльших возможностей в получении образования постепенно выработали новый стереотип поведения: разделение на «мы» и «они». Благодаря системе этнического федерализма существовавшие различия приобрели политическую окраску и привели в конечном счете к политизации этничности [Asebe Ragassa Debelo 2007: 73].

Постепенно зарождавшиеся обиды, недовольство гуджи вылились в антагонизм, конфликты и столкновения в 1998 г.

В штате Оромия гуджи включены в состав воред Галана и Абауа зоны Борана под управлением гедео. Они требуют самоуправле-

ния, ссылаясь на дискриминацию со стороны гедео. До создания новой структуры у них были хорошие соседские отношения и широко распространены межэтнические браки [Asebe Ragassa Debelo 2007: 62].

В Штате южных народов гедео имеют свою зону Гедео. Там же живут гуджи, которые выражают недовольство тем, что они лишены прав участвовать в административных органах зоны. Недовольны они также и тем, что отделены от своих соплеменников. Гуджи жаловались на то, что их отказываются брать на работу и в административные, и в образовательные, и в другие учреждения, им трудно найти работу [Asebe Ragassa Debelo 2007: 73]. Гедео, как более образованные, занимали эти посты еще в имперский период и во времена Дерга¹ после 1974 г. Гуджи были недовольны доминирующим положением гедео и тем, что новые границы изолировали их от соплеменников

Напряженность между гуджи и гедео сохранялась и в последующие годы.

В начале 1990-х с введением новых регионов заметно ухудшились отношения между оромо и не оромо. Они подогревались элитой некоторых этнических групп, которые протестовали против разграничения между «титულными» национальностями и «нетитулными» — пришлыми. Недовольство привело к многочисленным межэтническим конфликтам в 1991, 1992, 1995, 2000, 2001, 2005 и в последующие годы, особенно в районах Харарге и Уоллега. Крестьяне-оромо выступали против амхара и других фермеров-«чужаков», обвиняя их в экспроприации земель и требуя их возврата. Столкновения сопровождалась убийствами, изгнанием поселенцев, разрушениями и поджогами целых деревень [Abbink 2006: 408–413].

Конфликты из-за природных ресурсов происходят даже среди членов одной и той же этнической общности. Это касается в первую очередь сомали, где межклановые конфликты сопровождаются насилием, кровопролитием и кражей скота. По традиции, убий-

¹ Дерг (амх.) — Временный военный административный совет (ВВАС), созданный в сентябре 1974 г. после свержения императора Хайле Селассие.

ство влечет за собой месть [Alemayehu Fentaw Weldemariam 2009: 48]. И конфликт становится затяжным.

Существующие конфликты в штате Сомали можно разделить на три категории: межклановые/межэтнические, внутриклановые, борьба государства с мятежниками.

Основные причины этих конфликтов сводятся к трем: связанные с политикой и управлением, экономические и экологические, социокультурные.

Требование части политической элиты огаденского клана создать независимое государство сопровождается конфликтами с другими сомалийскими кланами. Распространение земледелия на плодородных землях в районе Джиджиги и появление поселенцев амхара и тиграй привели к новым конфликтам с местным населением. Происходят конфликты между небольшим кланом шейкаш, требующим создания собственной территориально-административной единицы, и субкланами огаден. В результате погибло несколько сотен человек.

В течение многих поколений наблюдаются конфликты между афар и субэтносом сомали-исса из-за пастбищ и нарушения прав водопользования. Ныне к ним добавились споры из-за границ административных структур. Нередко они принимают форму вооруженных столкновений из-за обилия циркулирующего в этих краях нелегального оружия [Alemayehu Fentaw Weldemariam 2009: 48].

Гуманитарная помощь в виде продовольствия также стала источником межклановых и межсубклановых конфликтов и рейдов. Этот новый фактор еще больше осложнил отношения между кланами в штате Сомали [Alemayehu Fentaw Weldemariam 2009: 48].

В качестве примера межэтнических конфликтов и споров по поводу границ можно привести гуджи и сидама в штатах Оромия и Южных народов, между штатами Оромия и Сомали в зоне Шиле, между оромо и гумуз в Восточном Уоллега (Оромия) и зоной Камаш в штате Бенишангул-Гумуз, между зонами Метекель в этом же штате и Ави в штате Амхара [Assefa Fiseha 2007].

Причиной всех этих и им подобных конфликтных ситуаций в других штатах является отсутствие до сих пор демаркации границ.

Новым в конфликтах стало участие в них региональных и местных правительств, поскольку каждое поддерживает свою этническую группу вместо того, чтобы совместно искать разумные способы урегулирования возникших споров.

С 1992 г. борана в штате Оромия доказывают, что вореда Телтеле принадлежит им, а не консо в Штате южных народов [Vaughan 2003: 200].

Много лет продолжался пограничный спор между штатами Оромия и Сомали, в котором участвуют этнические группы гарри (герри) и джарсо. Вспыхнувший между ними в 1992 г. вооруженный конфликт с использованием артиллерии продолжался шесть месяцев. В результате сотни были убиты, тысячи вынуждены были бежать. Победили джарсо.

В течение нескольких лет джарсо не могли определиться и переходили из штата Оромия в Сомали и обратно [Asnake Kefale 2010: 627–628]. В ноябре 2004 г. был проведен референдум по урегулированию пограничных споров между штатами Оромия и Сомали, в результате которого 43 кебеле гарри-джарсо были переданы штату Оромия, 40 остались в штате Сомали [Ibid.: 629]. Многие гарри оказались в кебеле, отошедших к Оромии, а джарсо — в Сомали. Джарсо разделились на два лагеря: одни хотели жить в Оромии, другие — в Сомали.

Как уже говорилось выше, даже в таких штатах, как Амхара, Оромия и Тиграй, имеется большое число этнических меньшинств. Это привело к тому, что с введением системы этнического федерализма в каждом штате, зоне, вореде и кебеле различаются «коренные» и «некоренные» народы («титulyные» и «нетитulyные» национальности). Вся полнота власти принадлежит «коренным» народам. Все пришлые, в том числе и представители таких многомиллионных народов, как оромо, амхара и тиграй, вне своих штатов нередко не только подвергаются дискриминации, но и во многих случаях не могут принимать участия ни в законодательных, ни в исполнительных органах соответствующих административных единиц, начиная со штатов и заканчивая кебеле.

Они зачастую не могут в полной мере реализовать свои политические права и считаются гражданами второго сорта. Их могут

согнать со своей земли и не допустить до участия в органах власти [Muhabie Mekonnen Mengistu 2015: 103].

Если эта ситуация не изменится, конфликты между поселенцами и местным населением будут продолжаться и расширяться. В качестве примера можно привести Штат южных народов. По переписи 2007 г. в нем насчитывается 85 народов. Однако власти штата признают 56. Все они представлены, в частности, в Палате Федерации и Совете национальностей штата. Остальные отнесены к «некоренным» народам.

Более того, даже в зонах существует деление на «титульные» («коренные») и «нетитульные» («некоренные») национальности, хотя они «титульные» национальности штата.

Этнические меньшинства официально признаны и по Конституции имеют равные права с другими народами. Однако их политическое представительство на федеральном и местном уровнях не свидетельствует об этом, поскольку доминирующее положение принадлежит более многочисленным общностям.

Так, в Штате южных народов население жалуется на доминирующее положение сидама и уолайта, в Бенишангул-Гумуз — на берта и гумуз, в Гамбелле — на нуэр. В штате Харар харари, хотя имеют собственный штат и являются «титульной» национальностью, по-прежнему выражают недовольство господствующим положением амхара в региональных органах власти. В 1992 г. и последующие годы произошли массовые выступления харари против амхара.

Осложняет ситуацию в стране недовольство части политической элиты оромо, требующей отделения от Эфиопии, а также сомали в Огадене, выступающих за объединение со своими соплеменниками в соседнем Сомали и создание «Великого Сомали». Это значительно осложняет ситуацию в этих штатах и вынуждает правительство принимать репрессивные меры для ее урегулирования. Активизировались некоторые политические организации афар, выступающие за объединение с афар, живущими в Эритрее, и создание «Великого Афар».

Еще одной причиной возникновения конфликтогенных ситуаций является борьба за власть, в основном на региональном

уровне между этническими элитами. Так, в штате Бенишангул-Гумуз за президентское кресло борются «титulyные» национальности берта и гумуз, а за представительство в органах власти вместе с «титulyными» национальностями — «нетитulyные» национальности — выходцы из центральных нагорий (хайлендеры): амхара, оромо и тиграй, в новых условиях превратившиеся в этнические меньшинства.

Первоначально администрация штата состояла преимущественно из лиц «титulyной» национальности, и господствующее положение занимала политическая элита берта. Это объяснялось близостью к Народному фронту освобождения тиграй, Фронту освобождения эфиопских народов, их совместной борьбой против Дерга. Движение за освобождение народа бенишангул (Benishangul People Liberation Movement) стало единственной доминирующей партией в штате. В первом национальном парламенте в 1995 г. берта получили пять мест [Berhanu Valcha 1997].

Однако с 1996 г. ввиду разногласий с Народным фронтом освобождения тиграй власть в штате перешла к гумуз и частично шинана, что вызвало большое недовольство других этнических групп. Все берта, занимавшие официальные посты в органах управления штата, были смещены и объявлены «узкими националистами». 120 из них были арестованы по обвинению в угрозе миру и развитию, в связях с Южным Суданом [Human Rights Watch 1997: 21]. Все это вызвало большое недовольство берта и привело к ухудшению отношений с гумуз.

Тридцать четыре процента некоренного населения (по переписи 2007 г.) не были представлены ни в законодательных, ни в исполнительных органах власти штата и, таким образом, были лишены политических прав [Berhanu Valcha 1997: 4]. Это касается в первую очередь переселенцев из других штатов, живущих здесь с 1984 г. Все это создает межэтническую напряженность. Поселенцы протестуют против дискриминации и настаивают на предоставлении им политических прав, которые давали бы им возможность участвовать в органах власти штата, зоны, вороды. Однако требования поселенцев отвергаются официальными лицами иногда на том основании, что они не знают местного языка. Хотя их

язык — амхарский — по-прежнему является официальным языком в штате.

Против поселенцев настроена и часть политической элиты «коренных» народов, поскольку опасается, что со временем поселенцы могут добиться прав и им придется уступить свое господствующее положение. Отношения между поселенцами, берта и гумуз взрывоопасны.

До 1991 г. этническая напряженность в Бенишангул-Гумуз вызывалась случаями захвата скота или другими бытовыми причинами. Незначительные стычки наблюдались между гумуз и поселенцами в Метекеле, между гумуз и оромо в южных районах. Ныне ситуация изменилась. Усилившиеся этнические маркеры привели к тому, что противоречия между «коренными» этническими группами и поселенцами, а также внутри этих групп умело используются властями и элитами в борьбе за политическую власть.

В 2008 г. произошли серьезные вооруженные столкновения между гумуз и поселенцами оромо в районе Уоллега. В результате погибло более 130 человек. Напряженная обстановка в штате и продолжающиеся межэтнические конфликты потребовали вмешательства Палаты федерации. Была разработана квота этнического представительства в местных органах власти и создана новая вореда — специально для амхара. Однако подобные меры не гарантируют надолго стабильность в штате [Исмагилова 2016а: 80–96].

В мае 2008 г. произошли столкновения между оромо и гумуз в вореде Гумуз (штат Бенишангул-Гумуз). Деревни оромо были сожжены. Для подавления конфликта были применены силы полиции и армии [Ethiopia: Benishangul Human Rights Foundation 2009].

В соседнем штате Гамбелла за власть борются анья и нуэр [Исмагилова 2016б: 23–26]. В течение многих лет здесь наблюдается сложная обстановка. Межэтнические конфликты из-за борьбы за скудные ресурсы, прежде всего за плодородные земли вдоль рек, здесь случались и ранее, однако с 2002 г. они приняли характер открытых вооруженных столкновений, сопровождавшихся убийствами мирных жителей, поджогами сотен домов.

С начала 1980-х годов в Гамбеле появилось большое число нуэр — беженцев из Судана. Кроме того, в 1980-е годы в рамках масштабной программы расселения, предпринятой предыдущим эфиопским режимом в ходе борьбы с засухой, в Гамбелу были переселены до 50 тыс. амхара, тиграй и оромо. Быстро изменившаяся этнотерриториальная ситуация превратила анья в этническое меньшинство и привела к конфликтам как между анья и нуэр, так и между анья и переселенцами. В результате за полгода, с декабря 2003 г. по май 2004 г., погибло, по некоторым данным, свыше тысячи человек. Только в декабре 2003 г., по сведениям Human Rights Watch, в г. Гамбеле было убито 424 человека, преимущественно анья [Human Rights Watch 2006]. Конфликты продолжались и в последующие годы. Несколько частных случаев между нуэр и анья в январе-феврале 2016 г. привели к эскалации конфликта. В результате было убито более 40 анья, многие ранены. Из Гамбелы конфликт перекинулся в сельские районы [KikidanYbeltal 2016]. В 2017 г. обстановка вновь осложнилась

В борьбе за ресурсы обострились отношения между ньянгатом и дессанеч в зоне Омо (Штат южных народов). Дело в том, что из-за изменения климата высыхают реки, например Элмо и Маро в вореде Саламаго, сокращается водная площадь озер Туркана и Рудольф. Кроме того, происходят изменения в хозяйственной деятельности: некоторые народы переходят к агроскотоводческому направлению, и, как следствие, возникает острое соперничество за плодородные земли между ньянгатом и дессанеч [Teshome Mekonnen 2010: 197–198]. Создание национальных парков (в том числе Национального парка Южный Омо) сократило площади выпаса и для скотоводческих народов.

В июле 2012 г. столкновения из-за земельных споров произошли между борана и гарри в пограничных с Кенией районах. В результате несколько деревень были сожжены, более 20 человек убиты. По данным Кенийского Красного Креста, более 20 тыс. человек бежали в Кению.

В апреле 2013 г. имели место многочисленные случаи, когда поселенцы-амхара изгонялись из многих штатов: Гамбелы, Ороми, Бенишангула-Гумуз, Штата южных народов.

Население выступало против «некоренных» жителей, прежде всего амхара, которые работали в администрации разных уровней, были учителями, полицейскими и др. Волнения охватили Арси, Харарге, Барли и другие районы. Жители некоторых штатов не хотели, чтобы амхарский был официальным языком в их штатах, зонах или воредах.

В ноябре 2015 г. начались антиправительственные выступления оромо. Причиной стал так называемый “Master Plan” — стремление муниципальных властей Аддис-Абебы увеличить территорию за счет земель штата Оромия. Мирные демонстрации переросли в 2016 г. в широкие протестные движения, охватившие многие районы штата Оромия. Летом 2016 г. к ним присоединились амхара в одноименном штате. Протестанты выдвигали требования соблюдения прав человека, демократических свобод и широких реформ.

Использование против них федеральных сил безопасности привело лишь к эскалации конфликта. В начале октября 2016 г. правительство ввело в стране чрезвычайное положение, которое продолжалось до начала августа 2017 г. После его отмены в стране наблюдается усиление напряженности. В сентябре-октябре 2017 г. вновь произошли акции протеста в ряде городов Оромии. Конфликты между сомали и оромо в пограничных районах между штатами Сомали и Оромия привели к многочисленным жертвам, поджогам поселений оромо и краже скота. В результате, по данным оппозиционных источников, сотни были убиты, десятки тысяч оромо были вынуждены переселиться в штат Оромия [Betre Y. Getahun]. Сообщалось также о столкновениях между оромо и амхара в зонах Иллубабор и Джимма в штате Оромия [Addressing], между амхара и гумуз в Бенишангул-Гумуз. В начале октября 2017 г. десятки сидама были убиты в результате конфликтов с оромо и 50 тысяч выселены из района Бале штата Оромия, где они жили долгие годы [TeshOme].

Еще одна причина создания межэтнической напряженности — политика «разделяй и властвуй». Так, с самого начала прихода к власти правящая партия Революционно-демократический фронт эфиопских народов (Ethiopian Peoples' Revolutionary Democratic

Front; ИПРДФ) в лице Народного фронта освобождения тиграй (Tigray People's Liberation Front) настраивала южные народы против амхара. С тайной целью ослабления гегемонии амхара и предотвращения возможного возвращения ими прежней власти, утверждает эфиопский ученый Мухабие Меконнен Менгисту, правящая партия ныне разжигает враждебное отношение к амхара [Muhabie Mekonnen Mengistu 2015: 103]. С этой целью используются презрительные выражения «нэфтэнья»² и «тихмекитэнья»³. Тем самым власти пытаются настроить другие этнические общности против амхара, называя их колонизаторами и угнетателями, поскольку именно амхара были основным действующим этносом в завоевательных походах Менелика II в конце XIX в.

Это же делают и оппозиционные партии, движения и фронты. По имеющимся данным, в штате Оромия члены Фронта освобождения оромо (Oromo Liberation Front) постоянно ведут пропаганду среди населения против амхара, называя их колонизаторами, что приводит не просто к негативному отношению к ним оромо, но и к актам насилия. Многие амхара и другие не оромо были насильно выселены. Были разрушены их деревни и собственность. Помимо Фронта освобождения оромо, в этом участвовали также Исламский фронт освобождения оромо и Движение за освобождение оромо-або [Berhanu Balcha 1997: 245–246]. Такая пропаганда особенно успешна в сельских районах в периферийных штатах, несмотря на то что рядовые общинники амхара также страдали от притеснений, как и другие этнические общности.

Подобная целенаправленная пропаганда с негодованием встречается интеллигенцией амхара, поскольку чревата возникновением межэтнических конфликтов.

В последние годы усилились антитиграйские настроения. Особенно это касается студенчества: в университетских кампу-

² «Нэфтэнья» в переводе с амхарского — «человек с ружьем». В период Менелика II солдаты-амхара, получившие земельные наделы, назывались «нэфтэнья». В дальнейшем этот термин стал ассоциироваться с колонизацией и ныне носит негативный характер.

³ «Тихмекитэнья» — «скандал», термин часто употребляется правящей партией для характеристики основной черты оппозиционных сил.

сах происходят столкновения студентов амхара, оромо, гураге с тиграй.

Причиной напряженности и потенциальным источником возникновения конфликтных ситуаций стали сохраняющиеся по сей день этнические стереотипы и предрассудки, презрительное отношение части населения к потомкам домашних рабов и кастам ремесленников. Все они считаются людьми второго сорта, они не принимают участия в делах общины и зачастую подвергаются остракизму. Обычай и ныне считает потомков рабов «людьми низшего сорта», и не важно, какое высокое положение такой человек может занимать в обществе, на нем лежит печать его далеких предков. Образованные люди, особенно в городах, стыдятся этого и нередко отрицают наличие подобных отношений (ПМА, февраль-апрель 1992 г.; подробнее см.: [Исмагилова 1997: 119–134]). Однако в сельских районах среди старшего поколения эти традиции продолжают соблюдаться.

По-прежнему у многих народов (особенно скотоводческих) сильны традиции, высоко оценивающие и восхваляющие насильственные действия (включая убийство) против иноплеменников. Переход юношей в более высокий возрастной класс сопровождается убийством диких животных или, лучше, человека из другого племени. В некоторых обществах это необходимый ритуал, предшествующий женитьбе. Юноша или мужчина совершает такое действие, чтобы заслужить похвалу и уважение соплеменников и повысить свой статус. Уважение и престиж распространяются и на его семью. Подобная культурная практика признается обществом, но приводит к межэтническим конфликтам [Teshome Mekonnen 2010: 198–199].

За последние два десятилетия в западных и южных районах значительно возросло число частных землевладений, кооперативов, агрохолдингов, принадлежащих государству и частным лицам, в том числе иностранным инвесторам, что привело к ухудшению положения местного населения и его недовольству. Усилилась также конкуренция за владение землей, пастбищами и водными ресурсами.

В штате Бенишангул-Гумуз (зона Метекель) федеральные власти предоставляют все новые земельные участки коммерче-

ским фирмам. Так, в 2001 г. 11 фирмам принадлежало 38 тыс. га [Markakis 2011: 352].

В штате Гамбела, по данным Human Rights Watch, в 2010 г. 70 тыс. человек должны были переселить в другие местности, чтобы освободить земли под агропроекты собственных и иностранных инвесторов [Waiting here 2016].

В сентябре 2014 г. в штате Гамбела правительством были выселены меджангир, а их земли переданы отставным генералам Народного фронта освобождения тиграй с целью инвестиций. Для работы на этих землях приехали сотни тиграй и амхара. Все это в октябре 2014 г. привело к кровопролитным столкновениям между амхара и меджангир, в результате которых было много убитых.

Таким образом, основными причинами межэтнических конфликтов по-прежнему остаются политизация этничности и соперничество за владение природными ресурсами, в первую очередь земельными, борьба политической элиты за власть, пограничные споры между штатами, зонами, воредами, плохое управление, социальное неравенство, случаи притеснения меньшинств, сохраняющиеся этнические стереотипы и предрассудки, в том числе дискриминационное отношение к ремесленникам и потомкам рабов, кровная месть.

Истоки конфликтов лежат в социально-политическом и культурном неравенстве, угрозе идентичности, экономическом неравенстве, этнократической авторитарной системе, излишнем централизме политики, боязни территориальных потерь, подспудно — в боязни политического, социокультурного и экономического угнетения со стороны доминирующего этноса.

Конфликты, сопровождающиеся насилием или зашедшие в тупик, несут в себе угрозу стабильности на всех уровнях. В их числе пограничные и территориальные споры по поводу существующих границ между и внутри штатов (зон, вореда, кебеле), борьба за власть между различными политическими группировками, обострение этноконфессиональных и этнополитических отношений. К числу дестабилизирующих факторов относятся также сепаратизм элиты некоторых этнических общностей, терроризм, проблема вооружений, непрекращающийся поток беженцев.

Зачастую конфликты носят затяжной характер, и их временное урегулирование вовсе не означает, что проблема решена и конфликт не возникнет вновь. Ведется ожесточенная борьба за власть между различными социальными группами, политическими организациями, основанными по этническому принципу, как внутри штатов (оромо, афар, сомали, сидама), так и между ними и правящей партией, в первую очередь с основной ее составляющей — Народным фронтом освобождения тиграй (Tigray People's Liberation Front). Таким образом, продолжающиеся межэтнические конфликты свидетельствуют о том, что введения самоуправления недостаточно для смягчения напряженности и налаживания сотрудничества между этническими группами в том или ином штате, зоне, вореде или кебеле. По-прежнему главным цементирующим фактором остаются родственные связи и этничность. Отсюда — укрепление собственных традиционных социальных институтов на фоне отсутствия доверия к государственным структурам.

Массовые протестные движения, охватившие страну с ноября 2015 г., усилившиеся летом 2016 г. и вновь вспыхнувшие во многих городах Оромии и других регионах страны в сентябре-октябре 2017 г., свидетельствуют о начале кризиса политической власти правящего режима. Политика вооруженного подавления выступлений приводит лишь к эскалации конфликтов.

Библиография

Исмаилова Р.Н. Роль традиционных структур в этнокультурных процессах современной Эфиопии // Труды Российской историко-этносоциологической экспедиции в Эфиопию в 1990–1992 гг. М.: Наука, 1997. С. 119–134.

Исмаилова Р.Н. Этничность и федерализм: опыт Эфиопии // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 118–132.

Исмаилова Р.Н. Эфиопия: этнополитическая ситуация в штате Бенишангул-Гумуз // Ученые записки Института Африки Российской академии наук. 2016а. № 2–3. С. 80–96.

Исмаилова Р.Н. Эфиопия: этнополитическая ситуация в штате Гамбелла // Азия и Африка сегодня. 2016б. № 9. С. 23–26.

Abbink J. New Configuration of Ethiopian Ethnicity: The Challenge of the South // Northeast African Studies. 1998. Vol. 5. No. 1 (New Series). P. 59–91.

Abbink J. Ethnicity and Conflict Generation in Ethiopia: Some Problems and Prospects of Ethno-Regional Federalism // *Journal of Contemporary African Studies*. 2006. Vol. 24. No. 3. P. 389–414.

Addressing another wave of ethnic violence in Ethiopia. URL: <http://ecadforum.com/2017/10/25>. (дата обращения: 26.10.2017).

Alemayehu Fentaw Weldemariam. Conflict Management in Ethiopian Multinational Federation. A Critical Examination. Vien, 2009. 96 p.

Amnesty International. Annual Report. 1993. URL: www.amnesty.org. (дата обращения: 20.05.2016).

Asnake Kefale. Federal Restructuring in Ethiopia: Renegotiating Identity and Borders along the Oromo-Somali Ethnic Frontiers // *Development and Change*. 2010. Vol. 41. No. 4. P. 615–635.

Asnake Menbere, Bavis Feye, Zelalem Getahun. Local Conflicts and Ethnic Relations among Konso and Derashe. Arba Minch: Arba Minch University, 2013.

Assefa Feseha. Federalism and the Accommodation of Diversity in Ethiopia. A Comparative Study. Nijmegen, 2007. 461 p.

Berhanu Balcha. Divide and Rule: Ethnic Federalism in Benishangul-Gumuz Region of Ethiopia. URL: <http://ethiopolitics.com/pdf> (дата обращения: 12.12.2015).

Betre Y. Getahun. Ethiopia's Political Turmoil Worsening: Threatening Regional Security. URL: <http://ecadforum.com/2017/10/18/> (дата обращения: 20.10.2017).

Ethiopia. Country Report on Human Rights Practices 2003. US Department of State. Bureau of Democracy, Human Rights and Labour. URL: www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2003/27727.htm

Ethiopia: Benishangul Human Rights Foundation. Support the March to Stop Genocide and Dictatorship. URL: <http://www.ecadforum.com/blog/ethiopia-benishangul>. September 5, 2009. (дата обращения: 15.03.2016).

Ethiopia: Ethnic Federalism and its Discontents // *Africa Report*. Brussels-Nairobi. 2009. No. 153. 45 p.

Human Rights Watch. URL: <http://hrw.org/English/docs/2006/01/18/ethiop12308.htm> (дата обращения: 15.03.2016).

Kalkidan Ybeltal, Tesfalem Waldyes. Ethiopia's simmering and the reopening of old wounds // *Addisstandard*. 2016. 2 May.

Levine D. Greater Ethiopia. The Evolution of a Multiethnic Society. Chicago; L.: Chicago University Press, 2000. 231 p.

Markakis J. Ethiopia. The Last Two Frontiers. Suffolk: Beydell and Brewer Inc., 2011. 383 p.

Muhabie Mekonnen Mengistu. Ethnic Federalism: A Means for Managing or a Triggering Factor for Ethnic Conflicts in Ethiopia // *Social Sciences*. 2015. Vol. 4. No. 4. P. 94–105.

Summary of Statistical Report of the 2007 Population and Housing Census. Addis Ababa, 2008.

Teshome M. Borago. Is Ethiopia a Rwandan genocide in making. URL: <http://ecadforum.com/2017/10/14/> (дата обращения: 15.10.2017).

Teshome Mekonnen. Cross-border pastoral conflict: the case of Dessanech and Nyangatom in Southern Ethiopia // *An Anthology of Peace and Security Research*. Addis Ababa, 2010. P. 174–215.

Vaughan S. Ethnicity and Power in Ethiopia. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. 322 p.

Waiting here for death // HRW, January 2012. URL: <http://ethioforum.org/19>, September, 2016 (дата обращения: 20.12.2016).

www.countrymeters.info (дата обращения: 17.07.2017).

www.joshuaproject.net (дата обращения: 25.06.2017).

ETHIOPIA: INTERETHNIC RELATIONS AND CONFLICTS

R.N. Ismagilova

In 1991, Ethiopia introduced a new system based on federalism, in which ethnicity became a political ideology. For various reasons, the new system complicated relations between ethnic groups. Past conflicts over land, pasture, and water have taken on a new meaning. The main causes are socio-economic, political, sociocultural, etc. factors not interethnic contradictions or competition but sometime they look like interethnic and at times escalate to violence. The main causes of these conflicts include the struggle for power at federal and regional levels, disagreement over budget allocations, and demands for establishing new administrative units on narrow ethnic bases. Another source of discontent is the constitutional codification of the ethnic groups as “nations”, “nationalities”, and “peoples”, which is an ethnic discrimination problem. In addition, the situation is aggravated by the division of the ethnic communities into “titular” (eponymous) and “non-titular” nationalities. Consequently, even the peoples of many millions like the Oromo, Amhara, Tigray, etc. have become discriminated ethnic minorities outside their “titular” regions.

Keywords: Ethiopia, federalism, ethnicity, interethnic relations, conflicts.